

Несколько слов о невмешательстве*

Джон Стюарт Милль

Арсений Куманьков
(переводчик)

Кандидат философских наук, академический руководитель образовательной программы «Философия и история религии» (ФГН, НИУ ВШЭ), доцент факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: akumankov@hse.ru

Дарья Чаганова
(переводчик)

Студентка магистерской программы «Философская антропология», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: d-chaganova@mail.ru

Данный текст является переводом статьи британского философа и политика Джона Стюарта Милля «A Few Words on Non-intervention», опубликованной в журнале Фрейзера («Fraser's Magazine for Town and Country») в декабре 1859 года. В ней Милль рассматривает критерии, позволяющие в международных отношениях игнорировать доктрину невмешательства во имя блага и свободы народов. Выступая апологетом внешней политики Британской империи, Милль критикует английских политиков своего времени и выделяет три случая, позволяющих назвать военную интервенцию легитимной. Во-первых, отказ от доктрины невмешательства возможен, когда необходимо противостоять гуманитарным катастрофам, таким как рабство. Во-вторых, при определенных условиях интервенция может способствовать обретению народом свободы и права на самоопределение. В-третьих, интервенция может стать средством в борьбе против тирании. Перевод статьи на русский язык осуществлен впервые.

* Статья впервые опубликована в декабре 1859 года в консервативном Журнале Фрейзера (Fraser's Magazine). Перевод выполнен по изданию: *Mill J. S. (1859). A Few Words on Non-intervention // Fraser's Magazine for Town and Country. Vol. LX. № CCCLX. P. 766–776.*

Сверка перевода осуществлена по изданию: *Mill J. S. (1984). A Few Words on Non-intervention // Mill J. S. Collected Works of John Stuart Mill. Vol. XXI. Toronto: University of Toronto Press. P. 111–124.* Комментарии к статье данного издания были учтены при подготовке перевода, однако зачастую содержат библиографическую информацию и напрямую отражены в переводе не будут.

Также при переводе учтены комментарии Майкла Дойла к оригинальному тексту Милля: *Doyle M. W. (2015). The Question of Intervention: John Stuart Mill and the Responsibility to Protect. New Haven: Yale University Press.*

Примечательно, что на страницах журнала даны подзаголовки-обобщения основной мысли того или иного отрывка статьи. Структурно она затрагивает такие разделы, как «Идеи английской внешней политики на континенте» (pp. 766–767), «Неверное представление о национальных чувствах [National Feelings]» (pp. 768–769), «Вопрос о Суэцком перешейке» (pp. 770–771), «Британское отношение к туземному [Native] рабству в Индии» (pp. 772–773) и, наконец, «Как одно свободное правительство может [may] содействовать другому» (pp. 774–776).

Здесь и далее примечания принадлежат Дарье Чагановой. Слова в квадратных скобках вставлены переводчиками.

Ключевые слова: философия войны, справедливая война, интервенция, доктрина невмешательства, Британская империя, Ост-Индская компания, рабство, свобода, международная мораль

Есть в Европе страна, не уступающая величайшим странам широтой своего владычества, намного превосходящая любую другую в богатстве и обретенной благодаря ему силе, во внешней политике провозглашающая принцип самостоятельности каждого народа. Она не посягает на другие страны и не вынашивает в их отношении агрессивных планов. Издревле могущественные державы имеют обыкновение покушаться на слабых и бороться за власть с равными себе по силе. Но не эта страна. Она будет стоять на своем и не потерпит посягательств на свои права, но если другие страны не будут вмешиваться в ее дела, она не намерена вмешиваться в их. Любая ее попытка оказать влияние на другие страны (даже путем убеждения) более служит другим, чем ей самой: будь то посредничество в международных конфликтах, прекращение бескомпромиссных гражданских войн, примирение враждующих сторон, содействие мягкому обращению с побежденными или, наконец, недопущение на государственном уровне преступлений и злодеяний, попирающих саму гуманность, таких как работорговля. Эта страна не только не желает выгоды за счет других, но не желает также и отношений, в которых все остальные будут чувствовать себя зависимыми. Она не заключает договоров, выгодных в коммерческом отношении только ей одной. Если же агрессия варваров втягивает эту страну в войну, которая успешно заканчивается, и ее победоносные войска обеспечивают ей возможность установить порядок свободной торговли, все, что ни потребует она для себя, она потребует и для всего рода человеческого. Бремя войны она несет сама, а плодами победы братски делится со всем человечеством. Ее порты и рынки так же свободны, как воздух и небо: доступ к ним открыт для всех ее соседей без каких-либо сборов, а если таковые все же установлены, они обычно соразмерны тому, что платят ее собственные граждане. И эта страна не вмешивается, даже если ее соседи оставляют все себе и упорствуют в зависти и недальновидности, вытесняя ее торговцев и товары.

Страна, ведущая дела таким образом, столь необычна для мира, что многие, сталкиваясь с ней, не способны в это поверить. Так, по одному из парадоксальных случаев, с которыми мы часто сталкиваемся в делах человеческих, именно на эту страну — в том, что касается ее внешней политики — возводят хулу как на образец эгоизма и самовозвеличивания, как на страну, которая не думает ни о чем другом, кроме как перехитрить и превзойти в военном искусстве своих соседей. Не способный угнаться за этой страной и потерявший самообладание враг или самовлюбленный соперник может, вероятно, выдвинуть подобное обвинение. Но что оно должно получить поддержку обывателей и стать общепризнанным — это способно удивить даже тех, кто глубоко погрузился в пучины человеческих предрассудков. Впрочем, именно такое мнение о внешней политике Англии наиболее

распространено на континенте. Давайте не будем обольщаться, что все это лишь бесчестное притворство врагов или тех, кто получает выгоду, разжигая ненависть к нам, — например, всех протекционистских писателей и глашатаев всех деспотов и пап. Чем более безупречной и похвальной будет наша политика, тем с большей уверенностью мы можем ожидать, что она будет искажена и оклеветана этими почтенными особами. К несчастью, это мнение разделяют не только те, кто находится под их влиянием, но и множество незаинтересованных лиц придерживается его со всем упорством предрассудка. Это убеждение настолько закрепилось в их умах, что, когда англичанин пытается переубедить их, даже привычная вежливость не позволяет им скрыть полное неверие в его слова. Они полностью убеждены, будто среди того, что говорят или делают английские государственные деятели на внешнеполитической арене, нет ничего, что не было бы обусловлено исключительно английскими интересами. Напротив, любые оправдания кажутся им смехотворной и неприкрытой попыткой обмануть их. Даже самые дружественные по отношению к нам думают, что делают большое одолжение, допуская, будто виноват не столько английский народ, сколько английское правительство и аристократия. Даже когда мы следуем своим собственным интересам, прямо заявляя, что честность — наилучший способ вести политику, они не отдают нам должного. Они считают, что наши истинные цели всегда отличаются от озвучиваемых нами; и это абсолютно надуманное и неблагоприятное предположение о нашей корыстности кажется им более правдоподобным, нежели нечто столь невообразимое, как отсутствие у нас корыстных мотивов. Можно привести один пример из множества подобных: мы обложили самих себя налогом в двадцать миллионов (что является, по оценкам наших соседей, чудовищной суммой), чтобы избавить негров от рабства¹, чем подвергли опасности (как всем казалось) и подорвали само существование (по мнению большинства) наших колоний в Вест-Индии². В тот момент появилось

1. Один из первых эпизодов освобождения рабов случился примерно за 20 лет до выхода данной статьи. Именно в 1833 году на территории всей Британской империи начали вводить в действие статью (Slavery Abolition Act 1833) об упразднении рабства, предполагающую уничтожить перехваченные суда, занимавшиеся работорговлей. США, Пруссия и Россия категорически отказались от этой идеи, некоторые страны охарактеризовали этот шаг как «пиратство» (Martin M. [1844]. *The British Colonial Library, Comprising a Popular and Authentic Description of All the Colonies of the British Empire*. Vol. IV. L.: H. G. Bohn. P. xxxii).

Действия по отмене рабства и начались со стороны Англии, и активно ей продвигались с августа 1834 года (Lucas Ch. P. [1913]. *A Historical Geography of the British Colonies: West Africa*. Oxford: Clarendon Press. P. 394), однако некоторое время распространялись только на колонии Вест-Индии. Исключение составляли все земли Ост-Индии: рабство сохранялось на Шри-Ланке и землях от острова Цейлон до острова Св. Елены вплоть до 1843 года (Major A. [2012]. *Slavery, Abolitionism, and Empire in India, 1772–1843*. Liverpool: Liverpool University Press. P. 182). Компенсация за рабов (освобождение которых датируется 7 июля 1835 года) каждого поместья на островах тщательно высчитывалась, и общая сумма выплаты оценивалась в 20 миллионов фунтов стерлингов. Этот долг был окончательно выплачен Великобританией лишь в 2015 году.

2. Вест-Индские колонии — колонии Англии на западе в Атлантическом океане, Карибском море и Мексиканском заливе, территориально противопоставляющиеся восточным (Ост-Индским). В их число входили Карибские, Багамские острова, Маврикий и некоторые континентальные земли, которые имели плотную экономическую связь с Северной Америкой (Edwards B. [1794]. *The History, Civil*

и укоренилось мнение, будто наши искренние заявления служили лишь для того, чтобы ввести в заблуждение мировое сообщество, а нашим самопожертвованием мы пытались достичь неких скрытых целей, которые нельзя ни понять, ни описать, но которые подрывают силы других государств. Лисица, потерявшая свой хвост, была бы обоснованно заинтересована в том, чтобы убедить соседей избавиться и от своих: но мы, по убеждению *наших соседей*³, добровольно отрезали наш великолепный хвост — самый большой и превосходный из всех существующих — в надежде получить некое необъяснимое преимущество от того, что склоним остальных сделать то же самое.

Безрассудно пытаться не обращать на все это внимания, лишь убеждая самих себя, что это не наша вина и что те, кто не верит *нам*, не поверят, даже если покойник воскреснет из мертвых. Страны, как и люди, должны заподозрить, что причина заключается в них самих, если обнаружилось, что мнение о них в действительности куда хуже, нежели они (как им казалось) того заслуживают; и им следует осознать, что они в какой-то мере виноваты, если почти каждый, кроме них самих, считает их коварными и лицемерными. Дело не только в том, что Англия была успешнее других в достижении привлекательной для всех цели, которую она должна была, по их мнению, преследовать в столь безудержной и безостановочной погоне. В самом деле, это представление становится предпосылкой, питающей их предубеждения. Естественно, что победу одерживают те, кто боролся за нее; что выдающиеся успехи являются плодами больших усилий; и людям нравится думать, будто в случаях, когда соперники оказываются поверженными, хотя мы явно воздержались от привычных средств для достижения превосходства над ними, были искусно использованы средства борьбы куда более изысканные и коварные. Этот предрассудок заставляет их во всем искать свидетельства, которые поддержали бы объяснение нашего поведения эгоизмом. Если же наш обычный образ действий не соответствует этому объяснению, они внимательно высматривают отклонения в нем, полагая, что указывают на наши скрытые замыслы. Более того, они буквально воспринимают все наши высказывания, в которых мы критически оцениваем себя. Подобные высказывания можно часто услышать от английских государственных деятелей и почти никогда от представителей других стран — отчасти из-за того, что англичане, в отличие от других народов, настолько стесняются открыто признавать свои добродетели, что вместо этого готовы выставить напоказ свои пороки, и отчасти из-за просчетов английских политиков, беспечных до такой степени, что ни один чужеземец не поверит им. Они беспокоятся о впечатлении, которое они производят на иностранцев, но совершают глупые ошибки, полагая, что умы их неаристократических соотечественников могут быть заняты лишь низменными вещами, и потому всегда уместно, если не необходимо, отдавать предпочтение именно таким вещам.

and Commercial, of the British Colonies in the West Indies. Vol. 2. L.: John Stockdale. P. 397–399). Полный список островов: Ibid: 2.

3. Здесь и далее передан курсив Дж. Ст. Милля.

Следовательно, все, кто говорят или действуют от имени Англии, связаны самыми строгими обязательствами, исходящими одновременно из чувства благоразумия и долга, — не допустить ни повода для неправильного понимания, чтобы самым решительным образом препятствовать мании изображать основания наших действий в неприглядном свете и избежать лживого целенаправленного вычленения какого-то конкретного случая, демонстрирующего наши дурные принципы, а не те, которыми мы обычно руководствуемся. В настоящее время наши действующие политики грубым образом игнорируют оба эти спасительные предостережения.

Сейчас мы испытываем один из таких критических моментов, которые происходят даже не раз в поколение, когда и цепь всех событий в Европе, и курс европейской истории на долгие времена могут зависеть от политики и положения Англии. В такой момент сложно сказать, что именно — речи или действия наших государственных мужей — играют на руку нашим врагам, придавая их несправедливому представлению о характере и политике нашего народа оттенок справедливости.

Для начала обратим внимание на орехи в речах. Как — во время европейского кризиса наших дней — выражается в каждой речи любой английский министр или уважаемый общественный деятель, обращаясь к парламенту или своим избирателям? Все они вечно повторяют избитый *припев*: «Мы не вмешивались, потому что это не соответствовало английским интересам»; «Мы не должны вмешиваться в дела, к которым английские интересы не имеют отношения»⁴. Англия, таким образом, выставлена как страна, где самые выдающиеся государственные мужи не стесняются провозглашать в качестве руководящего принципа: не шевельнуть и пальцем для помощи другим, пока в этом нет личной выгоды. А ведь никто из этих людей не вынес бы обвинений, которые вызывало бы применение этого принципа в частной жизни. Следует многое сказать по поводу доктрины, согласно которой страна должна быть готова помочь своим соседям освободиться от угнетения и обрести свободные учреждения. И также многое может быть сказано сторонниками мнения, что одна страна не вправе судить и действовать за другую, и что каждый должен быть представлен самому себе и искал выгоду или подчинился неблагоприятным обстоятельствам в соответствии со своими возможностями

4. Это обобщение Милля не носит характер апелляции к конкретной речи кого-либо из представителей правительства. Главным объектом нападок служит все же 37-й (на момент публикации статьи) премьер-министр Великобритании, бывший министр иностранных дел Генри Джон Темпл, виконт Палмерстон. Аргументация статьи в целом направлена против тезисов Палмерстона о том, что Англия в своей политике должна руководствоваться своими интересами, не заводя принципиальных врагов, но определяя их, исходя из британского интереса. Особенно в этом контексте известно выражение лорда Палмерстона, произнесенное за десять лет до выхода статьи Милля: «...наши [британские] интересы вечны и непреходящи, и именно ими мы обязаны руководствоваться» (перевод Д. Ч.). Эти тезисы о «вечной» природе британских интересов в качестве фактора политики были произнесены в речи Г. Дж. Палмерстона против его критиков в палате общин 1 марта 1848 г. См.: Palmerston's Reply to His Critics in House of Commons, March 1, 1848, Hansard (UK Parliament Official Report), 3rd Series, xcvi, pp. 121–123. Цит. по: Doyle. Op. cit. P. 13.

ми и разумением. Но из всех позиций, которые страна может занять по вопросу об интервенции, самая подлая и худшая — заявить, что вмешательство возможно только в том случае, когда оно может послужить ее собственным интересам. Все остальные народы вправе сказать: «Похоже, что невмешательство не является для вас делом принципа. Вы воздерживаетесь от вмешательства не потому, что признаете его несправедливым. Вы не находите оснований для вмешательства, если оно будет выгодно только тем, в чьи дела вы вмешиваетесь; они и думать не должны, что вы каким-то образом обеспокоены их благом. Благо других не входит в список вещей, что вас заботят; но вы готовы вмешаться, если это поможет вам обернуть что-либо в свою пользу». Такова очевидная интерпретация используемого нами языка.

Едва ли существует необходимость говорить, обращаясь к англичанам, что наши правители и политики в действительности не это имеют в виду. Их язык есть неверное отражение их мыслей. Подразумевают же они лишь часть из того, что, как кажется, говорят. Они действительно отвергают вмешательства во имя блага других народов. И отвергают совершенно искренне и со всей серьезностью. Но они вовсе не подразумевают того, что якобы содержится во второй части их высказывания, — готовность вмешаться, если таким образом они сделают что-либо во имя интересов Англии. Они озабочены не интересами Англии, а ее защитой. Они хотят сказать, что готовы действовать, когда безопасность Англии находится под угрозой или какие-либо ее интересы подвергаются враждебным или несправедливым нападениям. Это то, что делают все народы, достаточно могущественные для собственной защиты; и никто не ставит под сомнение их право поступать так. Это общепринятое право самообороны. Но если мы подразумеваем это, почему, ради всего святого, мы используем все имеющиеся возможности сказать вместо этого нечто совершенно иное? Не самооборона, но самовозвеличивание — вот смысл, который слушающие нас иностранцы вкладывают в наши слова. По мнению иностранцев, мы заявляем о свободе вмешательства в их дела не только ради защиты того, что мы имеем (на самом деле выступая против несправедливости, а не против честного соперничества), но чтобы снова и снова приумножать наши владения. Когда наши действия не позволяют наиболее предвзятым наблюдателям поверить, что мы собираемся или были бы готовы создать торговые монополии, это никак не влияет на их мнение, а, напротив, заставляет их думать, будто мы выбрали более хитрый способ достижения этой цели. Среди политиков континента (в первую очередь среди тех, кто считает себя особенно осведомленным) утвердилось мнение, будто само существование Англии зависит от беспрестанного приобретения новых рынков для наших производителей; что погоня за ними — для нас дело жизни и смерти; и что мы без тени сомнения готовы пренебречь своей обязанностью перед публичной или международной моралью, если возникла бы альтернатива сделать паузу в гонке хоть на один миг. Было бы излишним указывать, что такое мнение коренится в глубоком невежестве и неправильном понимании законов национального благосостояния и всех аспектов финансового положения

Англии, но такие невежество и заблуждение, к несчастью, очень распространены на континенте. Заметно все же, как медленно они сдаются перед доводами разума; но, вероятно, последующие поколения все еще будут давать нам оценку, находясь под их влиянием. Слишком ли многого требует от наших действующих политиков просьба иногда иметь это в виду? Сообразно ли какой-либо благой цели выражаться так, как если бы мы не гнушались заявлениями о чем-то таком, что мы не только не решимся сделать, но и сама мысль об этом даже не пришла бы нам в голову? Почему мы должны отказываться от роли несравненно самой добросовестной из всех наций — роли, на которую могли бы по праву претендовать? Пожалуй, из всех стран, достаточно могущественных, чтобы угрожать соседям, наша — единственная, которая из одних только соображений совести воздержалась бы от этого. Мы — единственный народ, для которого — вне зависимости от классового положения — выгода или слава страны не воспринимаются в качестве оправдания несправедливых деяний; народ, который с ревностным подозрением и жестокой критикой оценивает действия своего правительства, которые в других странах были бы, несомненно, встречены аплодисментами, поскольку они привели бы к приобретению территорий или распространению политического влияния. Являясь в действительности лучше, чем другие страны, по крайней мере, в негативной части международной морали⁵, давайте прекратим говорить о себе хуже, чем мы есть.

Но если мы должны быть осторожными в наших речах, в тысячу раз важнее быть осторожными в наших делах. Важно также не допустить предательства со стороны какого-либо из наших правителей, который по некоторому частному вопросу станет действовать вопреки нашим устоявшимся принципам. Подобное же поведение, воспринимаемое как истинно присущее нам, подтвердило бы наветы наших злейших врагов и оправдало бы их представления о том, что мы не только не считаемся с благом других стран, но и в действительности находим несовместимыми их благо и наше собственное; и что мы пойдем на все, дабы помешать другим заполучить преимущества, которыми мы можем обладать сами. Подобный

5. Пассаж о негативной части международной морали перекликается с концепцией негативной и позитивной свободы, играющей ключевую роль в теории Дж. Ст. Милля и описанной в эссе «О свободе». Более концентрированно учение о видах свободы представлено в работе 1958 года английского философа И. Берлина «Две концепции свободы». Под свободой в негативной смысле, или под негативной «частью» свободы в сфере частных и внутриполитических взаимоотношений, понимается область человеческой жизнедеятельности (частного лица или группы людей), свободная от какого-либо внешнего вмешательства: «Быть свободным в этом смысле значит „не испытывать чужого вмешательства“» (Берлин И. [2001]. *Философия свободы*. М.: Новое литературное обозрение. С. 47). Так, в этом случае по аналогии с внутриполитической сферой негативная международная мораль трактуется как комплекс действий (в их число входит также отказ осуществлять какие-либо действия) и заявлений какого-либо государства, направленный на невмешательство во внутренние дела других участников международных отношений. Эта трактовка, кроме того, связана с утилитаристским пониманием *негативной* справедливости и *негативной* морали, подразумевающим не-причинение вреда другим (опять же, во внутриполитической сфере, но экстраполируя на международный уровень). См.: Lyons D. (1994). *Rights, Welfare, and Mill's Moral Theory*. N.Y.: Oxford University Press. P. 118.

зловредный промах (едва ли возможно удержаться, чтобы не назвать его безумным) мы, кажется, совершаем в отношении Суэцкого канала⁶.

Во Франции сложилось общее мнение, будто усиленное давление, оказанное на Константинополь Англией, чтобы расстроить этот проект, — это в действительности единственное непреодолимое препятствие на пути к его осуществлению. И, к несчастью, публичные заявления нашего нынешнего премьер-министра не только подтверждают это убеждение, но и оправдывают утверждение, будто мы выступаем против проекта, так как, по мнению нашего правительства, он был бы губителен для интересов Англии⁷. Если мы продолжим держаться этого курса и подобных оснований, то — приняв во внимание, что у стран есть обязанности по отношению к благу всего человечества (пусть даже негативные) — трудно сказать, что сильнее будет бросаться в глаза: безрассудство или аморальность нашего поведения.

В отношении этого проекта — осуществимость которого еще надо обсуждать — никто и не пытался отрицать, что, если предположить его реализованным, он благоприятствовал бы торговле и, следовательно, послужил бы стимулом для развития производства, содействовал бы укреплению связей между народами и, соответственно, распространению цивилизации, что вознесло бы его до уровня великих индустриальных совершенствований современности. Открытие новых способов сокращения трудозатрат и экономии в сфере промышленности — вот

6. Здесь мы видим выпад Милля в сторону лорда Палмерстона и его критики проекта Суэцкого канала. Постройка канала была экономически и логистически выгодным шагом, предложенным в 1850-х годах французским инженером Фердинандом де Лессепсом. Строительство велось акционерной компанией Суэцкого канала при поддержке французского правительства (в частности, лично Наполеона III), Египта и индивидуальных акционеров с 1859 по 1869 г. (См. речи самого де Лессепа об идее и противоречиях, возникавших вокруг строительства Суэцкого канала: *De Lesseps F.* [2011]. *History of the Suez Canal: A Personal.* Cambridge: Cambridge University Press.) Хотя канал на Суэцком перешейке значительно сокращал время транспортировки товаров и в целом позволял построить более выгодный торговый путь (за счет отсутствия необходимости обогнуть Африку по пути из Индийского океана в Европу), проект критиковали власти Великобритании и Османской империи. Противники проекта, помимо экономических соображений, указывали на невозможность или чрезвычайную сложность выполнения поставленных задач, а также ориентировались на устаревшие сведения о том, что объема воды в канале будет недостаточно для прохода глубоководных судов. Эта информация была опровергнута австрийским инженером Алоисом Негрелли (см.: *Водовозов В. В.* [1901]. Суэцкий канал // *Андреевский И. Е.* [ред.]. *Энциклопедический словарь.* Т. 32. СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. С. 163–165). В Британии были распространены опасения, что она понесет экономические потери вследствие постройки канала через Суэцкий перешеек и потеряет власть над Индией. Турецкое правительство беспокоило перспектива освобождения Египта из-под османского владычества. Милль же часто обращал внимание на то, что Г. Дж. Палмерстон видит в постройке Суэцкого канала угрозу экономическим и стратегическим целям только лишь Великобритании, и противопоставлял ему свой тезис о том, что Англия не должна из соображений личной выгоды становиться врагом всего человечества. Это прослеживается и в данной статье, и в автобиографии Дж. Ст. Милля: *Mill J. S.* (1981). *Autobiography // Mill J. S. Autobiography and Literary Essays / Ed. J. M. Robson, J. Stillinger.* Toronto: University of Toronto Press. P. 263–264.

7. После того, как стало известно о планах строительства Суэцкого канала, лорд Палмерстон не раз выражал свою негативную оценку последствий этого для Британии. Это прослеживается также в критических письмах его современников; см.: *Lange D. A.* (1857). *Lord Palmerston and the Isthmus of Suez Canal: Two Letters Addressed to the Editor of «The Times».* L.: Richardson Brothers.

задача, на решение которой в настоящее время направлено почти все изобретательское мастерство человечества; и этот проект, будучи осуществленным, позволит избежать плавания вокруг континента на одной из крупнейших магистралей мировых грузоперевозок. Легкий доступ к торговле является главным источником той материальной цивилизации, которая в более отсталых регионах земли выступает в качестве необходимого условия и механизма, приводящего мораль в движение. А этим проектом мы практически наполовину сокращаем дистанцию, говоря на языке коммерции, между развитыми нациями и самыми важными и ценными из неразвитых. Атлантический Телеграф⁸ расценивается как предприятие мирового значения, поскольку он упрощает передачу торговой информации. Суэцкий канал сократил бы сроки доставки самих товаров, а это, вероятно, в какой-то степени послужило бы расширению их многообразия.

Давайте предположим — впрочем, на сегодняшний день гипотеза слишком «не-английская», чтобы стать чем-то большим, чем предположением, — но давайте все же предположим, что английская нация увидела в этом великом благе для цивилизованного и нецивилизованного мира опасность или угрозу для некоего особого интереса Англии. Предположим, например, будто [английская нация] испугалась, что сокращение пути облегчит доступ иностранных флотов к ее восточным владениям. Это предположение вменяет нашей нации необычайный уровень малодушия и глупости; в противном случае, как можно было не понять, что средство, которое облегчило бы неприятелю доступ к нам, содействовало бы также и прибытию помощи; что в наших восточных морях уже и до этого были французские эскадры, и мы уже вели с ними морские баталии почти сто лет назад; что лишишь мы возможности защитить от них Индию, мы бы, несомненно, наблюдали их появление там и без всякого канала; и что наша способность сопротивляться врагу зависит не от возникновения больших или меньших препятствий на пути его наступления, но от той силы, что мы способны противопоставить ему, когда он прибывает. Давайте же предположим, однако, что успех этого проекта в каком-то отношении принес бы Англии больше вреда, чем блага, которое она, будучи материально главенствующей державой, получила бы от мощного развития коммерческих связей. Давайте допустим это, но тогда я спрошу: и что дальше? Есть ли на свете такая мораль, христианская или светская, которая обосновывает право одной страны препятствовать всему остальному человечеству в получении какого-либо великого блага, ибо последствия этого в каком-то непредвиденном случае могут причинить ей неудобства? Свободна ли нация настолько, чтобы в качестве практической максимы принять идею, что благое для человечества — плохо для нее самой, и действовать соответствующим образом? О чем же свидетельствует

8. Имеется в виду Трансатлантический телеграфный кабель, проект которого был готов уже в 1847 году, воплощение которого, однако, постоянно переносилось. На момент написания Миллем своего очерка все еще предпринимались попытки проложить кабель через Атлантический океан. Телеграф работал с перебоями и постоянно ломался. См.: *Hearn C. G. (2004). Circuits in the Sea: the Men, the Ships, and the Atlantic Cable. Westport: Greenwood.*

заявление, что ее интерес и интерес человечества несовместимы, как не о том, что она предстает по крайней мере врагом рода человеческого? И какое основание имеет она для жалобы, если человеческий род, в свою очередь, обнаруживает себя ее врагом? Безнравственность этого принципа, принятого и воплощенного какой-либо страной, позволила бы остальным странам мира объединиться в союз против нее и ни в коем случае не опускать оружия, пока они, если и не разрушат ее до основания, то хотя бы надломают ее мощь настолько, чтобы лишить ее способности когда-либо снова ставить собственные интересы выше общего благосостояния человечества.

Однако этот принцип чужд британцам. Они склонны видеть свое преимущество в том, чтобы содействовать росту богатства и распространению цивилизации, а не в том, чтобы сдерживать их. Сопrotивление проекту по строительству Суэцкого канала никогда не было национальной идеей. С ее обычным безразличием к внешней политике общественность вообще не задумывалась об этом, но оставила этот вопрос, как она оставляет все, что связано с внешней политикой (за исключением ситуаций, особо ее волнующих), в руках тех, кто по воле случая принял на себя соответствующие полномочия, будучи основательно связанными лишь с внутренней политикой. Что бы ни было совершено от имени Англии по делу Суэцкого канала, было совершено определенными лицами; а вероятнее всего — по большей части одним человеком; едва ли кто-то из его соотечественников разделяет его устремления, а большинство из тех, кто уделил хоть какое-то внимание этому вопросу (к сожалению, их число очень мало), были, судя по всему, с ним не согласны.

Но (как говорят) этот проект не может быть воплощен. А если так, зачем нам беспокоиться по этому поводу? Если проект ни к чему не приведет, то к чему демонстрировать необоснованную безнравственность и добровольно подвергать себя осуждению, чтобы помешать его воплощению? Абсолютно неуместно рассуждать, будет ли он успешным или потерпит неудачу; не говоря уж о том, что, если он непременно потерпит крах, в нашем сопротивлении помимо той же безнравственности будет еще и определенная доля безрассудства, поскольку, исходя из озвученного выше предположения, мы открыто признаем перед миром уверенность в том, что наш интерес несовместим с его благом, в то время как если бы крах проекта принес нам хоть какую-то пользу, мы бы, несомненно, получили ее, держа язык за зубами.

Что касается личного мнения автора, он — в той мере, в которой он рассмотрел это дело — склонен согласиться с теми, кто полагает, что этот проект не может быть воплощен, во всяком случае, с помощью имеющихся средств и ресурсов. Но это — забота акционеров. Британское правительство не считает, что оно хотя бы отчасти обязано запрещать частным лицам, пусть даже британским гражданам, тратить их средства на сомнительные спекуляции, к тому же не гарантирующие серьезной общественной пользы в случае успеха. И если бы они, рискуя собственностью, подали пример другим, и проект, пусть и убыточный для тех, кто в числе

первых взялся за него, при них или при следующих руководителях, в полной мере обеспечил бы ожидаемую конечную выгоду для всего мира, это было бы не первым и даже не сотым случаем, когда убыточное предприятие имело такой результат.

Кажется, нет никакой надобности пересматривать всю доктрину невмешательства в дела других стран, если сказать, что ранее она уже рассматривалась как настоящая моральная проблема. В последнее время мы кое-что слышали о готовности воевать во имя идеи. Воевать за идею, если война агрессивная, а не оборонительная, — такое же преступление, как воевать за территорию или прибыль, поскольку навязывать наши идеи другим людям столь же малооправданно, как и заставлять их подчиняться нашей воле в любом другом отношении. Но, несомненно, есть случаи, когда допустимо идти на войну, даже не претерпев нападения или его угрозы; и очень важно, чтобы страны определили, что именно это за случаи. Существует не так много вопросов, требующих большего внимания со стороны нравственных и политических философов, чтобы установить правила или критерии, посредством которых можно однозначно и здраво оценить, оправданно ли вмешательство в дела других стран или (что иногда также вызывает вопросы) воздержание от него. Кто бы ни попытался сделать это, ему придется столкнуться с множеством фундаментальных различий, еще незнакомых общественности и в целом упущенных из виду теми, кто в потугах возмущенной нравственности пишет об этой проблеме. Велика разница (например) между случаем, когда вовлеченные страны равны или почти равны по уровню цивилизованности, и случаем, когда одна из них высокоразвита, другая же стоит на очень низком уровне социального развития. Предполагать, что между двумя цивилизованными странами и в отношениях цивилизованных стран с варварами могут действовать одинаковые международные обычаи и одинаковые правила международной морали, — значит глубоко заблуждаться. И в такое заблуждение не может впасть ни один государственный деятель, хотя это могут сделать те, кто критикует их, будучи в безопасности и не неся никакой ответственности. Среди множества причин, не позволяющих применять одни и те же правила к столь разным ситуациям, две следующие наиболее значимы. Во-первых, нормы общепринятой международной морали подразумевают взаимность. Но от варваров не стоит ждать взаимности. На них нельзя положиться в соблюдении каких бы то ни было правил. Их умы не способны на столь значительное усилие, равно как и их воля не будет подчиняться высоким мотивам. Во-вторых, варварские страны еще не вышли из того периода, когда быть завоеванными и подчиненными иностранцам, вероятно, служит их же благу. Независимость и национальное самосознание, столь необходимые для должного роста и развития народов более совершенных, таким странам обычно наносят вред. Священные обязанности, которые появляются у цивилизованных наций благодаря независимости и обособленности друг от друга, не связывают их в отношениях с теми, для кого обособленность и независимость либо однозначно являются злом, либо, в лучшем случае, сомнительным благом. Римляне были во-

все не самыми невинными завоевателями, однако разве было бы лучше для Галлии и Испании, Нумидии и Дакии никогда не стать частями Римской Империи? Если кто-то называет политику по отношению к варварам нарушением права народов, это означает лишь то, что говорящий это никогда не разбирался в данном вопросе. Это вполне может быть нарушением основополагающих моральных принципов; но варвары как *нация* не имеют прав, за исключением права на такое обращение, которое в кратчайший срок поможет им стать нацией. Есть лишь один вид моральных законов, регулирующий взаимодействие между цивилизованным и варварским правительством, и это — общепринятые правила отношений человека с человеком.

Таким образом, получается, что критические замечания, которым так часто подвергаются действия французов в Алжире или англичан в Индии, строятся на ошибочном основании. Не установлено единого критерия для оценки их действий; они избегают замечаний и осуждения в той форме, которая могла бы действительно служить во благо. В то же время их оценивают по критериям, которые никак не могут повлиять на тех, кто непосредственно вовлечен в происходящее и осознает, что их нельзя (а если можно было бы, то не стоило бы) оценивать, поскольку в результате этой оценки ни один человек не оказался бы лучше, а многие предстали бы намного хуже. Не может быть так, чтобы у цивилизованного правительства не было варварских соседей; а раз у него есть таковые, оно не может всегда довольствоваться оборонительной позицией, просто сопротивляясь агрессии. Сохраняя выдержку достаточно долго, оно вынуждено либо завоевать их, либо подчинить их своей власти и настолько сломить их дух, что они постепенно погрузятся в состояние зависимости от него. Так что, когда это случится, они на самом деле уже не будут питать отвращения к своему подчиненному положению. Но цивилизованному правительству пришлось сделать столь многое, чтобы установить или, наоборот, низвергнуть местные правительства, и местное население настолько привыкло полагаться на власть правительства цивилизованного, что последнее стало морально ответственным за все зло, которое оно позволяет им делать. Это история отношений британского правительства с индийскими государствами. Наше правительство не было в безопасности в своих собственных владениях в Индии, пока не свело к нулю военную мощь этих государств. А деспотическое правительство существует только благодаря своей военной мощи. Когда мы уничтожили их мощь, мы были вынуждены, в силу необходимости, предложить им свою военную силу взамен. Мы, чтобы дать им возможность обойтись без огромных армий, обязались расположить на индийских территориях свои войска (а они, в свою очередь, обязались принять их) в таком количестве, что это сделало нас фактически хозяевами страны. Мы поручились, что эти войска будут исполнять роль силы, защищающей князя от всех внешних и внутренних врагов. Но получив, таким образом, защиту цивилизованной власти и освободившись от страха гражданского восстания или иностранного завоевания — то есть от всего, что умеряет и сдерживает пыл азиатского деспота — местные правительства либо своим гнетом и грабительством

опустошали страну, либо впадали в состояние такого безвольного слабоумия, что каждый их подданный, лишенный возможности для своей защиты нанять телохранителей, становился добычей всякого, кто имел в распоряжении банду головорезов. Британское правительство сочло это плачевное состояние своей заботой, что было обусловлено тем положением, в которое ради собственной безопасности оно поставило себя по отношению к местным правительствам. Если бы оно позволило этому продолжаться бесконечно, то его заслуженно бы считали одним из самых страшных политических злоумышленников. В некоторых случаях (к несчастью, не во всех) оно пыталось предостеречь себя от таких бед с помощью специальной статьи в договоре, обязав князя реформировать свою администрацию и в будущем править в соответствии с рекомендацией Британского правительства. Среди договоров, в которые была включена такая статья, был и тот договор с Аудом⁹. Пятьдесят лет, и даже более, Британское правительство допускало полное игнорирование этой договоренности, часто не без увещеваний, а иногда и угроз, но так и не осуществив их. В течение этого полувека Англия несла моральную ответственность за то сочетание тирании и анархии¹⁰, образ которого ужасает всех, кто узнает об этом со слов очевидцев¹¹. Действие, которым правительство Британской Индии в конце концов освободило себя от договоров, столь грубо нарушенных, и выразило решимость выполнить давно взятое на себя обязательство — дать народу Ауда подходящее правительство, — было вовсе не политическим преступлением, как его столь часто по незнанию называют, но преступно запоздалым воплощением крайней необходимости. Тот факт, что руководство Ост-Индской кампании, ничего не сделав за целое столетие, в Англии столкнулось с огромным общественным неодобрением, служит одним из наиболее ярких примеров, иллюстрирующих предыдущую часть данной статьи о предрасположенности английской общественности неблагоприятно рассматривать любое действие для приобретения территории или дохода за счет других государств, а также становиться на

9. Ауд (Oude) — влиятельное в XVIII — первой половине XIX в. княжество на севере Индии, активно участвовавшее в борьбе против Британской Ост-Индской кампании. После аннексии (1856 г.) Англией Ауд стал очагом Индийского народного восстания 1857–1859 гг. (об этом см.: *Оситов А. М.* [1957]. *Великое восстание в Индии. 1857–1859.* М.: Учпедгиз; *Sen S.* [1992]. *The Historiography of the Indian Revolt of 1857.* Calcutta: Punthi-Pustak). Скорее всего, имеется в виду договор о протекторате над Аудом между Англией (представители — политик Генри Уэлсли и подполковник Скотт) и правителем Ауда — навабом-визирем Улом Моумалаком (Ool Momauluck), подписанный в октябре-ноябре 1801 года и включавший 9 статей (см.: *Dundas Campbell L.* [1809]. *The Asiatic Annual Register; Or, A View of the History of Hindustan and of the Politics, Commerce and Literature of Asia, For the Year 1806.* V. 8. L.: Blacks & Parry. P. 228–258).

10. Не всегда справедливый подход навабов к правлению областью подтверждается не только эссе Дж. Ст. Милля, но и многими другими источниками. Например, в договоре 1837 года упоминается, что земля навабов будет изъята, если анархия и несправедливое правление продолжатся (см.: *Doyle.* Op. cit. P. 106). Индийский исследователь Радрангшу Мукерджи, цитируя Томаса Меткалфа, пишет, что навабы Ауда лишь «развлекались вином, женщинами и поэзией» (*Mukherjee R.* [1979]. *Awadh in Revolt, 1857–1859.* Delhi: Oxford University Press. P. 33). См. больше в: *Sullivan E. P.* (1983). *Liberalism and Imperialism: J. S. Mill's Defense of the British Empire // Journal of the History of Ideas.* Vol. 44. № 4. P. 599–617.

11. В тексте: «by men who knew it well». См. комментарий Майкла Дойла (*Doyle.* Op. cit. P. 107).

сторону любого правительства, сколь угодно недостойного, если оно может сотворить хотя бы малейшее подобие несправедливости в отношении нашей страны.

Но среди цивилизованных народов, членов равноправного сообщества наций, такого как христианская Европа, этот вопрос предполагает иной угол рассмотрения и должен быть решен на основе совершенно других принципов. Было бы оскорбительно по отношению к читателю обсуждать безнравственность захватнических войн или захват территорий, пусть даже совершенный в результате законной войны; это же относится к установлению господства одного цивилизованного народа над другим, если речь не идет о добровольном согласии последнего. В этом отношении мнения порядочных людей сходятся, как и в том, что нечестиво начинать агрессивную войну во имя любого нашего интереса, кроме тех случаев, когда необходимо предотвратить явно грозящую нам несправедливость. Споры же вызывает вопрос о вмешательстве в регулирование внутренних дел другой страны; вопрос о том, можно ли оправдать участие одной страны в гражданских войнах и столкновениях партий в другой; и, главным образом, может ли она оправданно помочь народу другой страны в борьбе за свободу или навязать некоей стране определенное правительство или учреждения — лучшие для самой страны или необходимые для безопасности ее соседей.

Из поставленных вопросов случай вооруженной борьбы народа за свободу кажется самым неоднозначным, или, хотя бы теоретически, может породить противоречивые моральные суждения. Другие упомянутые случаи едва ли нужно обсуждать. Людям, пишущим в свободной стране, нет необходимости утруждать себя, чтобы заклеить помощь правительству другой страны в угнетении народа — к сожалению, наиболее часто встречающийся случай иностранной интервенции. Правительство, нуждающееся в иностранной поддержке, чтобы принудить к подчинению собственных граждан, не должно существовать; а помощь, оказываемая ему иностранцами, — это не что иное, как симпатия одного деспотизма к другому. Требуется отдельного рассмотрения случай затяжной гражданской войны, в которой противостоящие друг другу стороны настолько равны по силе, что нет никакой вероятности быстрого решения конфликта; а если и есть, то победившая сторона не может даже надеяться на то, чтобы удержать побежденных в подчинении иначе как жестокостью, несовместимой со всякой человечностью и губительной для долговременного благосостояния страны. Похоже, еще не получила признания доктрина, согласно которой в этом исключительном случае страны-соседи (или один могущественный сосед с молчаливого согласия остальных) имеют основания требовать, чтобы противостояние сторон прекратилось, а примирение было достигнуто на справедливых условиях и по взаимному согласию. Современное поколение стало свидетелем того, как интервенция подобного рода неоднократно практиковалась с таким общим одобрением, что ее легитимность¹², мож-

12. В тексте: «legitimacy». Аргумент в пользу подобного вмешательства иностранных сил в долгий конфликт (гражданскую войну) на одной территории состоит в человеколюбии и сочувствии не столько комбатантам, сколько мирному населению, пострадавшему в ходе гражданских войн. Здесь

но сказать, стала максимой того, что называют Международным правом. Именно такими были вмешательства европейских держав в дела Греции и Турции; Турции и Египта¹³. Случай с Голландией и Бельгией — еще более яркий пример тому¹⁴. К той же категории относится интервенция Англии в Португалию несколько лет назад, которая, вероятно, не была столь запоминающейся, как другие, поскольку в действительности она была осуществлена без привлечения военной силы. Тогда эта интервенция казалась скверной и бесчестной поддержкой правительства в борьбе с народом, отложенной ровно до того момента, когда народная партия получила заметное преимущество и была готова вот-вот свергнуть правительство или сократить срок его пребывания у власти. Но если когда-либо политическое действие, выглядящее скверным вначале, и могло быть оправдано результатом — то именно в этом случае: ведь, как выяснилось, интервенция не предоставила партии власть, но на самом деле подействовала как исцеляющее средство. Не прошло и нескольких лет, как предводители так называемого восстания стали почетными и преуспевающими слугами трона, против которого они недавно сражались.

Что касается вопроса, оправдана ли помощь одной страны народу другой в борьбе против его правительства за свободные учреждения, ответ будет зависеть от того, исходит ли гнет, от которого этот народ пытается освободиться, от местного или иностранного правительства (рассматривая любое правительство, которое поддерживается извне, как одно из иностранных). Если борьба ведется только с местными правителями и местной силой, которой они могут заручиться, то ответ, который я должен дать на вопрос о легитимности интервенции, — как

Милль опирается на теорию права Эмера де Ваттеля, см.: *Pitts J.* (2013). *Intervention and Sovereign Equality: Legacies of Vattel // Welsh J., Recchia S.* (eds.). *Just and Unjust Military Intervention: European Thinkers from Vitoria to Mill.* Cambridge: Cambridge University Press. P. 132–153.

13. Греция начала борьбу за независимость от Османской империи (во время правления султана Махмуда II) в 1821 году. В конфликте со стороны Турции участвовал Египет, Грецию поддержали Англия, Франция и Россия. В 1827 году Англия (согласно Лондонской конвенции 6 июля 1827 года) начала поддержку борьбы Греции за отделение, послав войска под командованием Эдварда Кодрингтона. Египетские же войска поддерживали сторону Османской империи с 1824 года (по решению хедива Мухаммеда Али). См.: *Hellenic Army General Staff* (1998). *An Index of Events in the Military History of the Greek Nation.* Athenes: Hellenic Army General Staff, Army History Directorate. P. 51–54. В 1927 году турецкий флот был разбит союзниками с греческой стороны, однако в связи с поддержкой противоборствующих в конфликте сторон, а также в условиях разногласий России, Франции и Англии Османская империя объявила войну России, в связи с чем окончательно освобождение Греции было принято турецкой стороной лишь в 1829 г. по Адрианопольскому мирному договору после поражения в Русско-турецкой войне. См.: *Brewer D.* (2001). *The Greek War of Independence: The Struggle for Freedom from Ottoman Oppression and the Birth of the Modern Greek Nation.* N.Y.: The Overlook Press.

14. Бельгия отделилась от Объединенного королевства Нидерландов в 1830 году. Этому способствовали дипломатические и риторические усилия представителей Франции и Англии — Ф. П. Г. Гизо и лорда Г. Дж. Палмерстона, будущего премьер-министра Англии. Отдельно стоит упомянуть о поддержке, которую высказали участники Лондонской конференции. См.: *Fishman J. S.* (1988). *Diplomacy and Revolution: The London Conference of 1830 and the Belgian Revolt.* Amsterdam: CHEV. Притом в другом своем эссе, «Рассуждения о представительном правлении», Милль пишет, что у бельгийцев, несмотря на различие в расе и языке, гораздо более сильно ощущается чувство *общей* национальной идентичности, нежели голландской или французской. См.: *Mill J. S.* (1977). *Considerations on Representative Government // Mill J. S. Essays on Politics and Society.* Toronto: University of Toronto Press. P. 546.

правило, «нет». Причина в следующем: едва ли найдется подтверждение тому, что вмешательство, даже успешное, может пойти на благо самому народу. Единственная хоть сколько-нибудь ценная проверка того, готовы ли люди к общественным учреждениям, состоит в том, чтобы они — или их большая часть — храбро приняли тяжелый труд и опасность ради своего освобождения. Я знаю все, что можно на это возразить. Я знаю, можно настаивать, что добродетелям свободных людей нельзя научиться в школе рабства, и что если народ не готов к свободе, его нужно сначала освободить, чтобы дать хоть шанс подготовиться к ней. И звучало бы убедительно, если бы обсуждаемая интервенция могла действительно дать ему свободу. Но проблема в том, что дарованная чужими руками свобода не будет ни настоящей, ни устойчивой, если у народа недостаточно любви к свободе, чтобы вырвать ее из рук местных угнетателей. Ни один народ не мог быть свободным, если только он не решил быть таковым; потому что ни его правители, ни какая-либо партия в стране не могли бы заставить его стать свободным. Если народ — особенно тот, чья свобода еще не окрепла — не ценит ее достаточно, чтобы бороться за нее против любых сил, которые только могут быть собраны по всей стране (даже владельцами публичных доходов), то вопрос лишь в том, через сколько лет или месяцев этот народ будет поработан. Либо выбранное им правительство, либо какой-то военачальник или группа заговорщиков, которые замышляют свержение правительства, быстро положат конец всем общественным учреждениям, если им не будет выгоднее сохранить их, заставив согласиться с сокращением их функций; ведь пока дух свободы в народе слаб, те, кто держит в руках исполнительную власть, легко подчинят *любые* учреждения целям деспотизма. У этой прискорбной проблемы нет надежного решения — даже в стране, которая самостоятельно добилась свободы, как сейчас ярко демонстрируют события как в Старом, так и в Новом Свете: если свободы добились *за* народ, у него мало шансов избежать такой участи. Когда же народу не повезло с правительством, при котором чувства и добродетели, необходимые для поддержания свободы, не могли развиваться сами по себе, наибольший шанс на их пробуждение появляется только благодаря напряженной борьбе за то, чтобы освободиться собственными силами. Люди привязываются к тому, ради чего они долго сражались и шли на жертвы; они учатся ценить то, что особенно занимало их мысли; и борьба, в которой многие были призваны посвятить себя служению своей стране, — это школа, обучающая их ценить интерес страны выше собственного.

Если страна со свободным правительством поддерживает попытки другой страны добиться того же от местных правителей иначе, как моральным одобрением ее позиции, эту поддержку редко — я бы даже сказал никогда — нельзя признать разумной или правильной. Конечно, мы должны исключить любой случай, когда поддержка иного рода является законной мерой самообороны. Если эта страна, которая своей свободой постоянно бросает упрек деспотизму и выступает с призывом его отбросить, окажется под угрозой нападения со стороны коалиции континентальных деспотов (случай вполне возможный), ей следует считать народ-

ную партию каждой страны континента своим естественным союзником: либералы должны стать для нее тем, чем были Европейские протестанты для правительства королевы Елизаветы¹⁵. Итак, опять же, когда нация в свою защиту начала войну с деспотом и была на редкость удачлива, чтобы не только успешно оказать сопротивление, но и после диктовать условия мира, она вправе заявить, что не заключит договор с правителем, чье существование как таковое будет служить постоянной угрозой ее безопасности и свободе. Эти исключения с большей ясностью представляют основания правила [невмешательства]; поскольку они зависят не от каких-либо ошибок в основаниях [этого правила], но от соображений, превосходящих по своему значению эти основания и подчиняющихся другому принципу¹⁶.

Но случай, когда народ борется с чужеземным гнетом или против местной тирании, поддерживаемой иностранными военными силами, представляет основания для невмешательства в совершенно ином свете; ибо в данном случае этих оснований нет как таковых. Народ, наиболее привязанный к свободе, готовый защищать и эффективно использовать свободные учреждения, может оказаться неспособен к успешной борьбе за них против военной мощи другой, гораздо более могущественной страны. Помочь угнетенному народу в этом случае — значит восстановить несправедливо и насильственно нарушенный баланс сил, от которого зависит постоянное поддержание свободы в стране, а не нарушить его. Доктрина невмешательства, чтобы стать законным принципом морали, должна быть принята всеми правительствами. Деспоты должны подчиниться ей, как и свободные государства. Пока они этого не сделают, ее признание свободными странами сведется к весьма прискорбной ситуации: злодей может помогать злодею, справедливый же не должен помогать справедливому. Вмешательство ради обеспечения невмешательства всегда законно, всегда морально, если не сказать, что всегда

15. Противостояние либерализма и деспотизма для Милля — конфликт глобального масштаба, всемирная гражданская война. Милль приравнивает его по степени принципиальности и жестокости к Религиозным войнам XVI–XVII веков между католиками и протестантами. В этом пассаже Милль имеет в виду королеву Елизавету I, которая, будучи англиканкой, не раз оказывала помощь протестантам в борьбе. Поддержку от нее получали представители самых разных направлений протестантизма: кальвинисты Нидерландов, французские гугеноты и немецкие лютеране. Елизавете I всячески способствовали в борьбе с поборниками католицизма королевский посол во Франции, сэр Николас Трокмортон [Throckmorton] и французский король Генрих IV, лидер гугенотов. Милль в данном случае подчеркивает, что идеология, как и вера, может служить фактором, объединяющим поверх государственных границ и интернационализирующим борьбу (см.: Owen J. [2005]. When Do Ideologies Produce Alliances? // *International Quarterly*. Vol. 49. № 1. P. 73–99).

16. В тексте: «These exceptions do but set in a clearer light the reasons of the rule; because they do not depend on any failure of those reasons, but on considerations paramount to them, and coming under a different principle». Это важный и, можно даже сказать, «поворотный» момент статьи: Милль в данном и последующем предложениях дает объяснение, почему аргументативная модель справедливого вмешательства меняется. До этого были описаны ситуации, в которых принцип невмешательства сохранял свое значение, но его перевешивали другие моральные принципы, и они делали возможной интервенцию. Внешние соображения моральной и иной природы в таких случаях «превосходили по своему значению» сами основания правила: грубо говоря, здесь мы сталкиваемся с тем, что исключение подтверждает правило. Далее же Милль описывает ситуации, когда принцип невмешательства фактически перестает действовать. — Прим. А. Куманькова.

благоразумно. Хотя было бы ошибкой *предоставить* свободу народу, который не ценит этого дара, правильно будет утверждать, что не стоит с помощью иностранного принуждения препятствовать ему в стремлении к свободе, если он ценит ее. Возможно, было бы неправильным для Англии (даже не учитывая вопроса о благоразумии) поддержать Венгрию в ее благородной борьбе против Австрии¹⁷; хотя австрийское правительство в Венгрии было, в каком-то смысле, иностранным гнетом. Но когда русский деспот¹⁸ (после того как венгры показали, что они близки к победе в этой борьбе) вмешался и, объединив свои силы с австрийскими, вернул венгров, связанных по рукам и ногам, их рассерженным угнетателям, было бы благородно и добродетельно со стороны Англии заявить, что так не должно быть, и если Россия оказала помощь злодею, то Англия поможет справедливой стороне. Возможно, это [заявление] не соотносится с тем, что каждая нация должна нести ответственность за свою безопасность, ведь Англия взялась за эту задачу в одиночку. Но Англия и Франция могли бы осуществить ее вместе; и если бы это им удалось, русское вооруженное вторжение никогда не состоялось бы или обернулось бы катастрофой для одной только России; в то время как все, чего добились эти державы своим бездействием, — необходимость бороться с Россией пять лет спустя¹⁹ в более тяжелых обстоятельствах и без Венгрии в качестве союзника. Первая же страна, у которой достаточно могущества для того, чтобы ее услышали, а также хватит духа и мужества провозгласить, что ни один солдат какой-либо державы в Европе не должен сделать и выстрела по восставшим подданным другой, станет кумиром для друзей свободы по всей Европе. Одно это заявление обеспечит практически немедленное освобождение каждого народа, достаточно желающего свободы, чтобы ее поддерживать; и страна, сделавшая такое заявление, скоро окажется во главе союза свободных народов, столь сильного, чтобы бросить вызов усилиям любому по величине объединению деспотов и уничтожить его. Это столь славная награда, что рано или поздно ее заполучит какая-нибудь свободная страна; и не так далеко то время, когда Англия будет вынуждена взять на себя эту героическую роль из соображений собственной безопасности, если не возьмет ее в силу своего героизма.

17. Венгерская революция перешла в активную фазу позже Греческой и Бельгийской — в 1848 году — и отличалась от них из-за прямого иностранного вмешательства. Венгерское восстание почти завершилось успехом — весной 1849 года была установлена независимость Венгрии, а Л. Кошут объявлен президентом. Однако в том же году руководство венгерской армии должно было объявить о своей капитуляции перед объединенными австрийскими и российскими войсками, призванными на помощь. См. об участии российской стороны в этой кампании: *Алабинъ П.* (1888). Четыре войны: походные записки въ 1849, 1853, 1854–56, 1877–78 годахъ. Самара: Типография И. П. Новикова.

18. В целом имеется в виду император Николай I, но непосредственное участие в подавлении восстания принимал русский генерал И. Ф. Паскевич. Это вмешательство было результатом просьбы о помощи со стороны австрийского императора Франца Иосифа I по условиям Варшавского договора 1849 г.

19. Имеется в виду столкновение с Россией на стороне Турции в Крымской войне 1853–1856 гг. В 1854 году Англия и Франция вмешались в уже идущий русско-турецкий конфликт.

A Few Words on Non-intervention

John Stuart Mill

Arseniy D. Kumankov (translator)

PhD in History of Philosophy (HSE), Academic Supervisor of Master Programme "Philosophy and History of Religion", Associate Professor, Faculty of Humanities, National Research University — Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya Str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: akumankov@hse.ru

Daria N. Chaganova (translator)

Master Student, Master Programme "Philosophical Anthropology", National Research University — Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: d-chaganova@mail.ru

The essay "A Few Words on Non-intervention" by British philosopher and politician John Stuart Mill, published in *Fraser's Magazine for Town and Country* in December, 1859, has been translated into Russian for the first time for this issue of the *Russian Sociological Review*. Here, Mill justifies the foreign policy of the British Empire, and considers the criteria when the doctrine of non-intervention may be ignored in the sphere of international relations. There are three cases that make legitimate military intervention possible: (1) the overcoming of the doctrine of non-intervention when it is necessary to confront humanitarian disasters such as slavery; (2) an intervention allowing people to be given their freedom and to protect their right of self-determination; (3) an intervention as a tool to fight against tyranny.

Keywords: John Stuart Mill, philosophy of war, just war, intervention, doctrine of non-intervention, British Empire, East India Company, slavery, freedom, international morality